

Человек, который умер дважды

Автор:

Ричард Осман

Человек, который умер дважды

Ричард Томас Осман

Клуб убийствМИФ Проза

Элизабет, Джойс, Рон и Ибрагим недолго наслаждаются покоем в идиллической обстановке Куперсчейза. Не успевают утихнуть страсти после раскрытого ими убийства, как Элизабет получает письмо из прошлого. Ее приглашает в гости человек, который умер давным-давно – у нее на глазах.

Элизабет не может отказаться от приглашения – и вот уже Клуб убийств по четвергам оказывается втянут в новое дело, в котором замешаны колумбийские наркоторговцы, британская контрразведка и похищенные алмазы стоимостью в двадцать миллионов фунтов. Теперь четверке пенсионеров нужно не только распутать загадку, но и выжить, потому что они перешли дорогу человеку, который не остановится ни перед чем. А если у них все получится, то можно поискать и алмазы...

На русском языке публикуется впервые.

Ричард Осман

Человек, который умер дважды

Original title:

The Man Who Died Twice

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

The Man who Died Twice

Copyright © 2021 by Richard Osman

All rights reserved.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

* * *

Посвящается Руби и Санни – я горд и счастлив быть вашим папой

Сильвия Финч гадает, как долго она еще выдержит.

Шаг, другой, замшевые туфельки темнеют, промокая в осенних лужах.

Смерть витает вокруг нее, как легкий туман. Пропитывает ее волосы и одежду. Наверняка прохожие это замечают.

Можно ли избавиться от этого? Сильвия надеется, что да, и одновременно надеется, что нет.

Когда ей в последний раз по-настоящему везло? Когда случилось такое, что дало бы надежду?

Пока Сильвия набирает код замка, из-за туч прорывается солнце.

Она заходит в здание.

Часть первая. Друзья вас непременно навестят

Глава 1

В следующий четверг...

– Одна женщина из Рёскин-корта сказала мне, что сидит на диете, – сообщает Джойс, допивая вино из бокала. – В восемьдесят два!

– Ходунки полнят, – говорит Рон. – Рядом с их тонкими ножками кажешься толще.

– Кому нужна диета в восемьдесят два года? – вопрошает Джойс. – Что с тобой случится от сосиски в тесте? Убьет она тебя? Пусть сперва встанет в очередь!

Очередное собрание Клуба убийств по четвергам подходит к концу. На этой неделе рассматривали очень старое дело владельца газетного киоска из Гастингса. Мужчина пристрелил из арбалета вломившегося к нему незваного гостя. Киоскера сперва арестовали, но затем вмешались СМИ, единодушно заявив, что человек – ради всего святого! – имеет право защищать с оружием свою собственность. Так он оказался на свободе с гордо поднятой головой.

Правда, спустя месяц или около того полиция обнаружила, что убитый нарушитель встречался с юной дочерью киоскера, а за самим киоскером числилось немало «нанесений тяжких телесных повреждений», но к тому времени все забылось. В конце концов, это был 1975 год. Никакого видеонаблюдения, да и шум поднимать никто не захотел.

– Как вы думаете, собака – хороший компаньон? – спрашивает Джойс. – Я размышляю, то ли собаку мне завести, то ли «Инстаграм».

– Я не советовал бы, – отзывается Ибрагим.

– Да ты ничего не советовал бы, – говорит Рон.

– В общем-то да, – соглашается Ибрагим.

– Я имею в виду небольшую собаку, конечно, – объясняет Джойс. – Для большой у меня нет подходящего пылесоса.

Джойс, Рон, Ибрагим и Элизабет наслаждаются обедом в ресторане, расположенном в самом сердце поселка Куперсчейз. На столике перед ними – бутылка красного вина и бутылка белого. На часах – примерно четверть двенадцатого.

– Только не заводи маленькую собачку, Джойс, – предупреждает Рон. – Маленькие собачки – как маленькие мужчины. Вечно пытаются что-то доказать. Тявкают как ненормальные, облаивают машины.

Джойс кивает.

– Тогда, может быть, среднего размера? А, Элизабет?

– М-м-м, неплохая мысль, – отвечает Элизабет, которая вообще-то и не слушает. Да и как она могла слушать, получив такое письмо?

Хотя общую мысль она все же ухватила. Элизабет всегда начеку – ведь никогда не угадаешь, что за важные сведения могут упасть прямо тебе в руки. За свою жизнь она наслушалась всякого. Обрывок разговора в берлинском баре, болтовня русского матроса, сошедшего на берег в Триполи... А сегодня, в сонный кентский четверг, за обедом в поселке пенсионеров выяснилось, что Джойс вздумала завести собаку, завязалась дискуссия о размерах, Ибрагим сомневается. Но у Элизабет на уме другое.

Письмо было подсунуто под ее дверь невидимой рукой.

Милая Элизабет,

помнишь ли ты меня? Возможно, и нет, но я без всякого зазнайства полагаю, что могла бы запомнить.

Жизнь снова сотворила чудо, и я, переехав на этой неделе, узнал, что мы теперь соседи! Какая компания для меня! Ты, верно, скажешь: «Пускают теперь кого попало!»

Да, мы давненько не виделись, но, думаю, чудесно будет возобновить знакомство спустя столько лет.

Не зайдешь ли ко мне выпить в Рёскин-корт, 14? Устроим небольшой праздник в честь новоселья. Если да, как насчет завтра в три часа дня? Можешь не отвечать, все равно буду ждать тебя с бутылочкой вина.

Право, я буду рад тебя увидеть! Так много всего нужно обсудить! Сколько воды утекло под тем мостом и так далее...

Я очень надеюсь, что ты меня помнишь, и очень надеюсь завтра с тобой встретиться.

Твой старый друг,

Маркус Кармайл

С тех пор письмо не выходило у Элизабет из головы.

В последний раз она видела Маркуса Кармайкла в ноябре 1981 года, очень темной и холодной ночью у моста Ламбет; вода в Темзе стояла низко, и пар от нее клубился в морозном воздухе. Они прибыли туда группой, по одному человеку каждой специальности, с Элизабет во главе. Приехали в белом фургоне «Форд-Транзит», облезлом снаружи и, судя по надписи, принадлежавшем фирме «Г. Проктор: окна, водостоки, любые работы»; однако внутри фургон блестел и был битком набит разными кнопками и экранами. Молодой констебль натянул сигнальную ленту вокруг участка береговой полосы и набережной Альберта.

Элизабет и ее команда, рискуя жизнью, спустились по скользким замшелым ступеням. Отлив оставил на берегу труп – почти в сидячем положении, он был прислонен к ближайшей каменной опоре моста. Элизабет проследила, чтобы необходимые процедуры провели по всей форме. Один из членов ее группы осмотрел одежду и обшарил карманы толстого пальто, фотограф – молодая женщина из Хайгейта – сделала снимки, а врач констатировал смерть. Очевидно, покойник спрыгнул в Темзу выше по течению. Или его толкнули. Решать как и что – дело коронера. Все будет зафиксировано в докладе и передано кому следует, а Элизабет просто поставит подпись внизу листа. Чисто и аккуратно.

Обратный путь по скользким ступеням с трупом на армейских носилках занял некоторое время. Молодой констебль, взволнованный тем, что его пригласили на осмотр тела, упал и сломал лодыжку. Только этого им не хватало. Ему объяснили, что пока не смогут вызвать скорую, и он принял это вполне достойно. Через несколько месяцев констебль получил непредвиденное повышение по службе, так что страдал не так уж долго.

Наконец ее маленький отряд добрался до набережной и загрузил труп в белый фургон «любые работы».

Все разошлись, за исключением Элизабет и врача, которые отправились сопроводить тело до хэмпширского морга. Она прежде не работала с этим врачом: грузный, краснолицый, с сединой в темных усах – в целом довольно интересный человек. Запоминающийся. Пока доктор не задремал, они поговорили об эвтаназии и крикете.

Ибрагим жестикулирует бокалом.

– Боюсь, я вообще не рекомендовал бы вам заводить собаку, Джойс, ни маленькую, ни среднюю, ни большую. В вашем-то возрасте.

– Ну начинается, – вставляет Рон.

– Средняя собака, – рассуждает Ибрагим, – вроде терьера или, к примеру, джек-рассела, живет около четырнадцати лет.

– Кто это тебе сказал? – спрашивает Рон.

– Это мне сказали в клубе собаководства, так что все вопросы к ним, Рон. У тебя есть к ним вопросы?

– Нет, мне хватает тебя.

– Так вот, Джойс, – продолжает Ибрагим. – Вам семьдесят семь?

– В следующем году будет семьдесят восемь, – кивает Джойс.

– Само собой, – соглашается Ибрагим. – Итак, давайте посмотрим, какова ожидаемая продолжительность жизни для человека семидесяти семи лет.

– О да! – радуется Джойс. – Я очень люблю такие вещи. Как-то раз на причале мне погадали на Таро. Гадалка пообещала, что я разбогатею.

– В частности, мы должны определить, каковы ваши шансы прожить дольше, чем живет собака среднего размера.

– Не понимаю, почему ты так и не женился, старина, – обращается к Ибрагиму Рон, доставая из стоящего на столе кулера белое вино. – С твоим-то красноречием! Кому добавить?

– Спасибо, Рон, – говорит Джойс. – Лей до краев, чтобы не пришлось доливать.

Ибрагим продолжает:

– Имеется пятьдесят один процент вероятности, что семидесятисемилетняя женщина проживет еще пятнадцать лет.

– Славно, – отзывается Джойс. – Кстати, я так и не разбогатела.

– Итак, если вы сейчас возьмете собаку, Джойс, переживете ли вы ее? Вот в чем вопрос.

– Я чисто назло пережил бы, – заявляет Рон. – Мы с ней сидели бы по углам и тарасились бы друг на друга: чья возьмет. Я не уступил бы. Это как в семьдесят восьмом на переговорах с Британской автомобилестроительной компанией. Когда один из них первым вышел отлить, я понял, что мы их сделаем. – Рон глотнул вина. – Никогда не уходи в туалет первым. Хоть узлом завяжись, но с места не двигайся.

– Посмотрим правде в глаза, Джойс, – продолжает Ибрагим. – Может, да, а может, и нет. Пятьдесят один процент. Все равно что монетку подкинуть, и, по моему мнению, так рисковать не стоит. Человек не должен умирать раньше своей собаки.

– Это что, древнеегипетская поговорка или наставление старого психотерапевта? – интересуется Джойс. – Или вы только что это придумали?

Ибрагим снова чокается с Джойс бокалом, давая понять, что с мудростями еще не закончил.

– Умирать надо раньше детей, потому что их мы научили жить без нас. Но нельзя умирать раньше собаки. Ее мы учим жить с нами.

– Ну спасибо, Ибрагим, вы дали мне пищу для размышлений, – говорит Джойс. – Хотя звучит это все несколько бездушно. Как тебе кажется, Элизабет?

Элизабет ее слышит, но мысленно она все еще едет в белом фургоне с трупом и усатым доктором. Это не единственный подобный случай в карьере Элизабет, однако достаточно необычный, чтобы запомниться: всякий, кто знал Маркуса Кармайкла, с этим согласился бы.

– А ты сломай систему Ибрагима, – советует она. – Возьми старую собаку.

И вот опять Кармайкл, столько лет спустя. Что ему надо? Дружеская беседа? Уютный вечер воспоминаний у зажженного камина? Кто знает.

Счет подает новая официантка. Зовут ее Поппи, на запястье у нее вытатуирована маргаритка. Поппи работает в ресторане уже две недели, но пока показывает не лучшие результаты.

– Вы принесли нам счет двенадцатого стола, Поппи, – замечает Рон.

Поппи кивает:

– Ой, да... вот я дурочка... А это какой?

– Пятнадцатый, – отвечает Рон. – Это можно узнать по большому номеру «пятнадцать» на свече.

– Извините, – смущается Поппи. – Всего-то и нужно запомнить, что гости будут есть, принести им заказы, и еще номера... Рано или поздно я с этим разберусь.

Она уходит обратно на кухню.

– Очень дружелюбная девушка, – говорит Ибрагим, – но для этой роли она плохо подходит.

– Зато у нее прекрасный маникюр, – вставляет Джойс. – Безупречный. Верно ведь, безупречный, Элизабет?

– Безупречный, – кивает Элизабет.

И это не единственное, что она заметила у Поппи, которая появилась здесь невесть откуда со своим маникюром и незнанием дела. Но сейчас у Элизабет на уме другое, поэтому загадка Поппи подождет до другого раза.

Элизабет повторяет в уме текст письма:

«...Помнишь ли ты меня?.. Сколько воды утекло под тем мостом...»

Помнит ли Элизабет Маркуса Кармайкла? Смешной вопрос! Мертвое тело Маркуса Кармайкла она нашла во время отлива под мостом через Темзу. Глухой ночью она помогала поднимать его по скользким ступеням. Она сидела в шаге от него в белом «Транзите» с рекламой службы мытья окон и чистки водостоков. Она сообщила о его смерти молодой жене и, отдавая дань приличиям, стояла у могилы на похоронах.

Да, Элизабет очень хорошо помнит Маркуса Кармайкла. Однако пора вернуться в зал ресторана. По одному делу за раз.

Элизабет тянется за белым вином.

– Ибрагим, цифры не все решают. Рон, ты вполне можешь умереть раньше своей собаки – у мужчин ожидаемая продолжительность жизни гораздо меньше, чем у женщин, к тому же не забывай, что твой врач говорит о сахаре в крови!

И, Джойс, мы обе понимаем, что ты уже решилась. Бери собаку из приюта. Она сейчас сидит где-то, такая одинокая, с большими грустными глазами, и ждет. Тебе не устоять. Да и нам всем будет веселей, так что тут и обсуждать нечего.

С одним делом покончено.

– А как насчет «Инстаграма»? – спрашивает Джойс.

– Не знаю, что это за штука, так что решай сама, – отмахивается Элизабет и допивает вино.

Приглашение от покойника? Пожалуй, она согласится!

Глава 2

– Смотрели вчера «Антикварное шоу», – рассказывает главный инспектор Крис Хадсон, барабанив пальцами по рулю, – и когда вошла та женщина с кувшинами, твоя мама прислонилась к моему плечу и...

Констебль Донна де Фрейтас бьет головой о приборную панель.

– Крис, я умоляю! Буквально умоляю! Пожалуйста, хотя бы на десять минут перестань говорить о моей маме.

Крис Хадсон считается наставником Донны, поддерживающим ее на непростом карьерном пути в следственный отдел, но вы ни за что об этом не догадались бы, видя, с какой непочтительной вольностью они общаются, и наблюдая за их дружбой, расцветшей с первой минуты после знакомства.

Недавно Донна представила своего начальника Криса своей матушке Патрис. Она полагала, что они поладят. И действительно поладили – даже слишком, на ее взгляд.

Прежде выезды с Крисом Хадсоном на слежку проходили веселее. Чипсы, подколки, сплетни о новом сержанте, который только что заступил на службу в Файрхэвене и случайно отправил фото своего пениса местному владельцу магазина, просившему у него совета насчет оконных решеток. Они смеялись, жевали чипсы и наводили порядок в мире.

А сейчас? Сидят в Крисовом «Форде-Фокусе» поздним осенним вечером, не сводя глаз с гаража Конни Джонсон. Пищевой контейнер Криса наполнен оливками, морковными палочками и хумусом. Контейнер куплен ее мамой, хумус приготовлен ее мамой, морковка нарезана ее мамой. Когда Донна предложила купить «Кит-Кат», Крис выразительно посмотрел на нее и заявил: «Пустые калории!»

Конни Джонсон – приветливая торговка наркотиками. Хотя в наши дни ее правильнее называть «оптовой поставщицей». В течение многих лет наркотики в

здешней округе контролировали братья Антонио из Сент-Леонарда, но год назад они пропали, и опустевшую нишу заняла Конни Джонсон. Остается вопрос, занимается ли она кроме торговли еще и убийствами, но, так или иначе, это из-за нее они целую неделю просиживают в «Форде-Фокусе» и разглядывают в бинокль фэйрхэвенский гаражный участок.

Крис несколько похудел, сделал хорошую стрижку и носит теперь кроссовки, приличествующие его возрасту, – все как давно советовала ему Донна. Она из кожи вон лезла, пытаясь его вдохновить, убедить, заставить заниматься собой. А лучшим стимулом для него оказался секс с ее мамой. Следует быть осторожнее в своих желаниях.

Донна откидывается на спинку сиденья и надувает щеки. Она убить готова за «Кит-Кат».

– Ладно-ладно, – говорит Крис. – Поиграем в «я вижу». Я вижу кое-что на букву «М».

Донна смотрит в окно. Внизу – сплошной ряд гаражей, среди которых и гараж нового фэйрхэвенского наркобарона. Наркобаронессы. За гаражами – море. Чернильно-черный Английский канал, лунные отсветы играют в ряби волн. Вдали, на горизонте, светится огонек.

– Моторка? – спрашивает Донна.

– Нет, – мотает головой Крис.

Донна потягивается и снова всматривается в гаражи. Незвестный под капюшоном подкатывает к гаражу Конни на трюковом велосипеде и колотит в дверь. Металлический грохот слышен даже здесь, на холме.

– Мальчишка на велосипеде? – предполагает Донна.

– Нет, – говорит Крис.

Донна наблюдает за тем, как открывается дверь, как мальчишка входит в гараж. Каждый день одно и то же. Курьеры входят и выходят. Выходят с коксом, с

таблетками и травкой, возвращаются с наличкой. И так без перерыва. Донна понимает: взяв склад прямо сейчас, они найдут приятную маленькую партию наркоты, скучающего за столом посредника и мальчишку-велосипедиста. Поэтому группа выжидает, фотографирует всех входящих и выходящих, отслеживает их маршруты, пытается составить полную картину операций Конни Джонсон. Им нужно собрать на нее достаточно материала, чтобы разом прихлопнуть всю эту шарашку. Если повезет, будет несколько предрассветных обысков. Если повезет чуть больше, они получают группу тактической поддержки с пневматическими таранами, позволяющими вынести дверь-другую, и один из офицеров в этой группе окажется холостяком.

– Та, в желтой куртке? – продолжает гадать Донна, замечая подходящую к автостоянке женщину.

– Нет, – говорит Крис.

Главный приз – сама Конни. Ради нее они с Крисом здесь и сидят. Неужели Конни сошло с рук убийство двух конкурентов?

Среди юных велосипедистов изредка мелькают и знакомые лица. Элита файрхэвенского наркобизнеса. Каждое имя берется на заметку. Если Конни и убила братьев Антонио, то не своими руками. Она не дура. И конечно, рано или поздно она заметит наблюдение. Начнет таиться, и следить станет сложнее. Так что они собирают информацию, пока это возможно.

Донна подскакивает от резкого стука в окно со своей стороны. Обернувшись, она узнаёт желтую куртку женщины, которая шла по дорожке к стоянке. За стеклом – улыбающееся лицо и руки с двумя стаканчиками кофе. Донна отмечает копну светлых волос и мазок яркой помады. И опускает стекло.

Женщина приседает и улыбается.

– Ну, мы не представлены, но, полагаю, вы – Донна и Крис. Я купила вам кофе в автомастерской.

Она протягивает стаканчики, и Донна с Крисом, переглянувшись, принимают их.

– Я Конни Джонсон, но это вам, наверное, известно, – продолжает женщина. Она хлопает себя по карманам. – Я еще купила по сосиске в тесте, хотите?

– Нет, спасибо, – отказывается Крис.

– Да, пожалуйста, – говорит Донна.

Конни вручает Донне бумажный пакет.

– Боюсь, для той юной полисменки, которая прячется с фотоаппаратом за мусорными баками, у меня ничего нет.

– Она все равно веганка, – отмахивается Донна. – Из Брайтона.

– В любом случае я просто хотела представиться, – сообщает Конни. – Вы можете не стесняться и арестовать меня, когда вам будет угодно.

– Арестуем, – обещает Крис.

– Чем вы подводите глаза? – спрашивает Конни Донну.

– Пат Макграт, «Золотой стандарт», – отвечает Донна.

– Шикарно, – хвалит Конни. – Кстати, на сегодня я дела закончила – это если вы хотите домой. И, заметьте, за последние две недели вы не увидели ничего такого, что я желала бы скрыть от вас.

Крис пробует кофе.

– Он действительно из автомастерской? Очень хорош.

– У них новая кофемашина, – говорит Конни. Она запускает руку во внутренний карман, достает конверт и вручает его Донне. – Это вам. Ваши фотографии и фотографии других полицейских, которые ползают вокруг. В эту игру могут играть двое. Спорим, вы не видели, чтобы кто-то снимал вас? И следил за вами до самого дома. Там есть и удачный снимок вашего вчерашнего свидания,

Донна. Полагаю, вы могли бы найти себе кого-то получше.

– Угу, – кивает Донна.

– Мне пора идти, но была очень рада наконец повидаться с вами. Мне смерть как этого хотелось. – Конни посылает им воздушный поцелуй. – Будем знакомы.

Выпрямившись, она отходит от «Форда». Сзади появляется «Рейндж-ровер». Его пассажирская дверца открывается. Конни садится и уезжает.

– Ну... – произносит Крис.

– Ну! – соглашается Донна. – Что будем делать?

Крис пожимает плечами.

– Гениальный план, шеф, – отзывается Донна. – А что ты задумал? Что такое видел на букву «М»?

Крис поворачивает ключ зажигания и пристегивается.

– Прекрасное лицо твоей матери. Я вижу его каждый раз, когда закрываю глаза.

– О господи! – стонет Донна. – Я попрошусь в другой отдел!

– Хорошая мысль, – говорит Крис, – но только не раньше, чем мы прихватим Конни Джонсон, договорились?

Глава 3. Джойс

Мне так хочется, чтобы опять произошло что-нибудь волнующее. Все равно что.

Может, пожар, но чтобы без пострадавших? Только пламя и пожарные машины. Мы соберемся поглазеть, прихватив термосы, а Рон будет выкрикивать советы пожарным. Или пускай у кого-нибудь случится роман, это было бы весело. Желательно у меня, но я не жадная, лишь бы роман был скандальный, – например, с большой разницей в возрасте, или чтобы кому-то в итоге пришлось заменять бедренный сустав. Либо роман между геями. У нас в Куперсчейзе их пока нет, но, по-моему, все обрадовались бы. Либо чтобы чей-то внук угодил в тюрьму. Либо наводнение, но чтобы нас не залило. Вы понимаете, что я имею в виду?

Как подумаешь, сколько народу в последнее время умерло, трудно снова пойти слоняться по садовому центру или пересматривать старые эпизоды «Таггерта»[1 - «Таггерт» (англ. Taggart) – шотландский детективный телесериал, который транслировался в Британии с 1983 по 2010 год. Прим. ред.]. Хотя «Таггерт» я люблю.

Когда я работала медсестрой, пациенты то и дело умирали. Так и валялись направо и налево. Не подумайте чего, я никого не убивала, хотя мне это было бы просто проверить. Проще, чем врачам. Врачей постоянно проверяют. Может, в наше время проверяют всех, но, ручаюсь, подобное и сейчас можно устроить, случись подходящее настроение.

Ибрагим не хочет, чтобы я заводила собаку, но я уверена: он передумает. Оглянуться не успеем, как только о собаке и будет говорить. И первым запишется в очередь ее выгуливать. Жаль, что у меня не дошли руки до Ибрагима лет тридцать назад.

Прямо у границы с Сассексом находится центр спасения животных, и кого там только нет. Помимо обычных кошек и собак есть еще ослики, кролики, морские свинки. Никогда не подумала бы, что морские свинки нуждаются в спасении, но, как видно, бывает и такое. Время от времени в нем нуждаются все, так почему бы и не морские свинки? А вы знали, что в Перу их едят? В шоу «Шеф-повар» на днях рассказывали. Просто упомянули, никого не ели.

В приюте много собак из Румынии – их спасают и привозят сюда. Не знаю, как их доставляют, надо будет спросить. Вряд ли набивают собаками самолет. Или большой фургон. Наверное, нашли способ. Рон уверяет, что они лают с иностранным акцентом, но Рон есть Рон!

Мы изучили сайт этого центра спасения, и, честное слово, надо видеть этих собак. Я положила глаз на песика, которого зовут Алан. В характеристике написано: «Терьер, порода неизвестна». Я, как увидела, подумала: и я такая. Алану шесть лет; специалисты говорят, что не стоит менять имена питомцам, ведь они привыкают, но я, как бы на меня ни давили, не стану звать собаку Аланом.

Может, уговорю Ибрагима свозить меня на той неделе. Он в последнее время стал заядлым автомобилистом. Завтра даже в Файрхэвен собирается. Сразу вылез из своей раковины, как тут начали всех убивать. Ездит туда, сюда и повсюду, будто он Мюррей Уокер[2 - Мюррей Уокер – английский журналист, один из наиболее известных комментаторов гонок «Формулы-1». Прим. ред.].

Я все думаю, отчего Элизабет за обедом была в таком странном настроении. Слушала и не слышала. Может, что-то со Стефаном? Помните, это ее муж? Или все еще не оправилась после смерти Пенни? Так или иначе, мысли ее чем-то заняты, и уходила она с обеда с какой-то целью. Кому-то это не сулит добра. Одна надежда, что не нам с вами.

Еще я вяжу. Да, можете себе представить!

Я разговорилась с Дейдрой из «Болтливых спиц». Ее муж был французом, но его уже нет в живых – кажется, упал с лестницы, хотя, может, и рак, не припомню. Дейдра вязала маленькие браслетики дружбы для благотворительности и дала мне схему. Они вяжутся в разных цветах – зависит от того, кому вы хотите подарить. Люди платят за них сколько считают нужным, а все деньги идут на благотворительность. Я в свои добавляю пайетки. В схеме пайеток нет, но у меня в ящике завалилось немножко с незапамятных времен.

Я связала красно-бело-голубой браслетик для Элизабет. Это была моя первая попытка, и вышло кривовато, но она отреагировала довольно мило. Я спросила, в какую благотворительную организацию передать ее деньги, и она назвала «Жить с деменцией»; это наш самый откровенный разговор о Стефане за все время знакомства. Не думаю, что она сумеет долго хранить это в себе: деменция идет напролом, и обратного хода у нее нет. Бедная Элизабет. И конечно, бедный Стефан.

Еще я связала браслет дружбы для Богдана. Желтый с синим – по ошибке я решила, что это цвета польского флага. Богдан говорит, что польский флаг красный с белым, и, надо отдать ему должное, он знает точно. Он спросил, не перепутала ли я со шведским, – да, очень может быть. Джерри меня поправил бы. Джерри, как всякий хороший муж, знал наизусть все флаги.

Вчера я видела Богдана с этим браслетом. Он шел на стройплощадку, помахал мне, а на руке у него был браслет – поверх татуировки с бог знает чем. Понимаю, это глупо, но я до сих пор улыбаюсь. Пайетки засияли на солнышке, и я тоже.

Элизабет свой пока не носит, но я ее не виню. Нам с Элизабет для подтверждения дружбы браслеты не требуются.

Вчера ночью мне приснился дом, где мы с Джерри жили после свадьбы. Мы открыли дверь и обнаружили новую комнату, которую раньше не видели, и затем долго обсуждали, как ее обставить.

Не знаю, сколько лет было Джерри в моем сне, я просто знала, что это Джерри; я же выглядела так, как сейчас. Два человека, которые в реальности никогда не встречались, касались друг друга, смеялись, строили планы: здесь поставим цветочный горшок, там – кофейный столик. Столько любви.

Когда я проснулась и вспомнила, что Джерри ушел, мое сердце снова разбилось. Я плакала и плакала. Если бы все утренние слезы в этом месте были слышны, подозреваю, это походило бы на птичий гомон.

Глава 4

Еще один славный осенний денек, но воздух покусывает щеки, напоминая, что не так уж много осталось славных деньков. За углом поджидает зима.

На часах – три, и Элизабет несет букет Маркусу Кармайклу. Покойному. Утопленнику – внезапно ожившему, представьте себе, и поселившемуся в Рёскин-корте, 14. Мужчина, которого у нее на глазах опустили в могилу в Хэмпшире, теперь распаковывает коробки и мучается с настройкой вай-фая.

Она проходит «Ивы» – хоспис Куперсчейза. Пока там лежала Пенни, Элизабет заходила туда каждый день – просто посидеть, поболтать, обсудить какую-нибудь интригу и посплетничать со старой подругой, не зная, слышит ли та ее.

Однако Пенни больше нет.

Ночи постепенно удлиняются, и солнце уже опускается за деревья на вершине холма, когда Элизабет добирается до Рёскин-корта и звонит в номер 14. Ничего не происходит. Короткое ожидание, и ее впускают.

Во всех зданиях работают лифты, но Элизабет, пока может, ходит по лестницам. Лестницы помогают сохранить подвижность коленных и бедренных суставов. К тому же в лифте легко убить человека, когда открываются двери. Бежать некуда, спрятаться негде, да еще сигнал предупреждает о вашем прибытии. Не то чтобы она опасалась убийц, здесь ничего такого не ожидаешь, но жизненные уроки забывать не стоит. Элизабет никого никогда не убивала в лифте. Однажды в Эссене она видела тело, которое сбросили в лифтовую шахту, но это другое.

На лестничной площадке она поворачивает налево, перекладывает букет в левую руку и стучит в дверь с номером 14. Кто откроет? Что за история? Стоит ли ей волноваться?

Дверь отворяется, и она видит очень знакомое лицо.

Нет, не Маркус Кармайл, да и откуда бы ему взяться? Но, конечно, этому человеку имя Маркуса Кармайкла знакомо. И известно, что оно привлечет ее внимание.

Да, пожалуй, волноваться ей стоило.

Мужчина красивый и загорелый, песочного цвета волосы с проседью еще крепко держатся на голове. Она и раньше догадывалась, что лысина ему не грозит.

Как вести с ним игру?

– Маркус Кармайл, я полагаю? – осведомляется Элизабет.

– Да, и я так полагаю, – отвечает мужчина. – Рад тебя видеть, Элизабет. Эти цветы для меня?

– Нет, я просто хожу с цветами, чтобы обратить на себя внимание, – усмехается Элизабет и, когда он провожает ее в комнату, вручает букет.

– Правильно, правильно. Тем не менее я поставлю их в воду. Садись, почувствуй себя как дома.

Он скрывается на кухне.

Элизабет осматривает квартирку. Голо: ни картин, ни украшений, ни единой финтифлюшки. Никаких признаков, что сюда кто-то «въехал». Два кресла – оба такие, что уже не жалко выбросить, стопка книг на полу, лампа для чтения.

– Мне нравится, как ты обставил квартиру, – говорит Элизабет в сторону кухни.

– Не я выбирал, милая, – отвечает мужчина, возвращаясь в комнату с цветами в чайнике. – Смею сказать, что приспособлюсь, но планирую все же не задерживаться надолго. Могу я предложить тебе вина?

Он ставит чайник на подоконник.

– Да, пожалуйста.

Элизабет опускается в кресло. Что происходит? Зачем он здесь? И чего хочет от нее сейчас, столько лет спустя? Чего бы ни хотел, это повод для беспокойства. Комната не обставлена, жалюзи закрыты, на двери спальни – висячий замок. Номер четырнадцать в Рёскин-корте выглядит как конспиративная квартира.

Но с чем это связано?

Мужчина возвращается с двумя бокалами красного вина.

– Ты пьешь «Мальбек», если не ошибаюсь?

Элизабет берет у него бокал, и мужчина садится в кресло напротив.

– Не ошибаешься. Какое достижение – не забыть сорт вина, которое я пила в течение всех тех двадцати с лишним лет, что мы общались!

– Мне скоро семьдесят, милая. В мои годы помнить хоть что-нибудь – действительно достижение. Твое здоровье! – Он поднимает бокал.

– И твое. – Элизабет поднимает свой. – Много лет прошло.

– Очень много. Но Маркуса Кармайкла ты не забыла.

– Довольно ловкий ход.

Маркус Кармайкл – призрак, порожденный Элизабет. Она была специалистом по этой части: вымышленное лицо, придуманное только для того, чтобы передавать секреты русским. Человек с прошлым, созданным из поддельных документов и постановочных фото. Несуществующий агент, который передает врагу несуществующие секреты. Когда же русские подобралась поближе, желая получить от нового источника побольше, пришло время убить Маркуса Кармайкла. «Одолжить» неостребованный труп из лондонской учебной больницы и похоронить его на хэмпширском кладбище, пригласив молодую машинистку из своих сыграть вдову с заплаканными глазами. И вместе с ним похоронить ложь. Так Маркус Кармайкл стал покойником, не родившись.

– Спасибо, я подумал, что тебя это позабавит. Выглядишь ты хорошо. Прекрасно выглядишь. Как... дай бог памяти... как Стефан? Твой нынешний муж?

– Давай не будем? – вздыхает Элизабет. – Лучше прямо скажи, зачем ты здесь?

Мужчина кивает:

– Конечно, Лиз. Прямой разговор экономит время. Но все-таки – Стефан?

Элизабет задумывается о Стефане. Она оставила его дома, перед работающим телевизором, и надеется, что сейчас он дремлет. Она предпочла бы поскорее вернуться к нему, сесть рядом, чтобы он ее обнял. Она не хочет сидеть здесь, в

этой пустой квартире с этим опасным мужчиной. Мужчиной, который убивал у нее на глазах. Не то приключение, на которое она сегодня рассчитывала. Ей бы Стефана с его поцелуями или Джойс с ее собачками.

Элизабет делает еще глоточек вина.

– Полагаю, ты чего-то хочешь от меня? Как всегда.

Мужчина разваливается в кресле.

– Ну да, пожалуй, что хочу. Не слишком обременительная просьба – в сущности, тебя это может даже развлечь. Помнишь, как мы развлекались, Элизабет?

– Мне здесь достаточно местных развлечений, но все равно спасибо.

– А, да, я слышал. Трупы и так далее. Прочел все досье.

– Досье? – переспрашивает Элизабет. Внутри у нее что-то обрывается.

– О, ты расшевелила Лондон, прося людей о разнообразных одолжениях в последние пару месяцев. Финансовые документы, отчеты судмедэкспертизы, даже отставного патологоанатома, кажется, вызвала – раскапывать кости? И думала, это пройдет незамеченным?

Элизабет понимает, как была близорука. Она действительно просила кое-кого о помощи в расследовании смерти Тони Каррана и Яна Вентама, которое затеял их Клуб убийств по четвергам. И в опознании еще одного трупа, захороненного в могиле на холме. Могла бы догадаться, что кто-то где-то берет все на заметку. Нельзя попросить об услуге просто так, безвозмездно. Чем же придется расплачиваться?

– Что тебе от меня нужно? – спрашивает она.

– Всего лишь услуги няньки.

– При ком?

– При мне.

– Зачем тебе нянька?

Мужчина кивает, отпивает вина и наклоняется к ней:

– Дело в том, Элизабет, что я, кажется, вляпался в неприятности.

– Некоторые вещи никогда не меняются, да? Почему бы тебе не рассказать мне об этом?

В замке бряцает ключ, дверь распахивается.

– В кои-то веки вовремя, – говорит мужчина. – Вот она как раз и поможет мне с рассказом. Познакомься с моей укротительницей.

В комнату входит Поппи – новая официантка из ресторана. Она кивает обоим:

– Сэр. Мэм.

– Ну, многое становится понятным, – отмечает Элизабет. – Надеюсь, Поппи, оперативница из вас лучше, чем официантка.

Поппи краснеет.

– Боюсь... честно говоря, не уверена. Но между нами троими: я думаю, даже если завалим дело, нам ничего не грозит.

Опыт Элизабет подсказывает ей, что все тайное рано или поздно становится явным. Поппи отодвигает в сторону чайник с цветами.

– Красивый букет. – И усаживается на подоконник.

– От кого именно не грозит? – уточняет Элизабет.

– Позволь, я начну с самого начала, – говорит мужчина.

– Будь добр, Дуглас, – соглашается Элизабет и допивает свое вино. – Мужем ты был кошмарным, но истории всегда рассказывал замечательно.

Глава 5

Ибрагим только что закончил обедать с Роном. Он пытался убедить сотрапезника попробовать хумус, но Рон остался непоколебим. Дай ему волю, он каждый день питался бы яичницей с ветчиной и жареной картошкой. И, честно говоря, в свои семьдесят пять он все еще сильный мужчина, так что сложно уличить его в неправоте. Ибрагим захлопывает дверцу автомобиля и пристегивается.

Рон взволнован, потому что на следующей неделе к нему приедет погостить внук Кендрик, и Ибрагим тоже волнуется.

Из Ибрагима вышел бы прекрасный отец и замечательный дед. Но не сложилось, как и многое другое в его жизни. «Глупый ты старик, – говорит он себе, поворачивая ключ в замке зажигания, – ты совершил самую большую из всех возможных ошибок. Ты забыл прожить свою жизнь, просто спрятался от нее, отсиделся в надежном месте».

Что ему это дало? Как много решений он не принял из осторожности? Как часто пугался любви? Ибрагим вспоминает, сколько раз на своем пути разминулс с жизнью.

Ибрагим всегда был мастером в том, чтобы «все хорошенько обдумать», но теперь решил взять пресловутого быка за рога. Захотел хоть немного пожить настоящим моментом. Научиться бездумной свободе – у Рона, неукротимому оптимизму – у Джойс и еще кое-чему – у той стенобитной машины с умом криминалиста, что зовется Элизабет.

«Я вообще не рекомендовал бы вам заводить собаку». Так он сказал Джойс. Но, конечно же, она должна ее завести. Он скажет ей об этом, когда вернется. Позволит ли Джойс ему гулять с песиком? Наверняка позволит. Замечательная тренировка для сердечно-сосудистой системы. Каждому стоило бы завести по

собаке. Всем мужчинам следует жениться на тех, кого они любят, а не сбегать от страха в Англию. У Ибрагима была целая жизнь на то, чтобы обдумать это решение. Он никогда не обсуждал его с друзьями. А может, следует однажды обсудить?

От ворот Куперсчейза он поворачивает налево. Разумеется, осмотрев дорогу, а потом осмотрев еще раз.

Перед ним – целый мир, и, как бы ни было страшно, он принял решение время от времени выбираться из Куперсчейза. И вот он здесь, посреди шума, уличного движения, множества людей.

Отныне раз в неделю он будет садиться за руль «Дайхатсу» Рона и навещать Файрхэвен. Он проезжает указатель поворота к городку. Какой кайф! Он сам по себе, один. Пройдется по магазинам, посидит в «Старбаксе» с чашечкой кофе и газетой. И заодно посмотрит и послушает. О чем нынче говорят люди? Не выглядят ли они несчастными?

Ибрагим беспокоился, что не сможет припарковаться, но место находится сразу. Он беспокоился, сумеет ли оплатить парковку, но и это ему удастся.

Какой психотерапевт боится жизни? Ибрагим подозревает, что каждый первый. Оттого-то они и становятся психотерапевтами. И все равно, ему не повредит впустить в свою рутину кусочек мира. В Куперсчейзе мозги кальцифицируются, если позволить им расслабиться. Одни и те же люди, одни и те же разговоры, одни и те же жалобы и воркотня. Расследование убийства явно пошло Ибрагиму на пользу.

Он быстро разбирается и с кассой самообслуживания, и с бесконтактным платежом. Абсолютный минимум взаимодействия с людьми. Не приходится даже кивать незнакомому человеку. Подумать только, он мог бы все это пропустить!

Ибрагим находит симпатичный несетевой книжный магазинчик, где никто не возражает, если вы просидите в кресле с книжкой в руках час-другой. Конечно, эту книжку он покупает. Называется она «Ты» и повествует о психопате по имени Джо, которому Ибрагим очень сочувствует. Он покупает еще три книжки, потому что хочет, чтобы магазинчик продержался до следующей недели, когда он сюда вернется. За кассой висит плакат: «Ваша местная книжная лавка –

пользуйтесь, чтобы ее не лишиться».

Пользуйтесь, чтобы не лишиться. Вот это правильно. Затем он сюда и пришел. Он выходит в уличный шум, к проносящимся мимо машинам, к орущим подросткам и бранящимся строителям. Ему хорошо. Не так страшно. Мозг чувствует, что живет. Пользуйтесь им, чтобы его не лишиться.

Ибрагим смотрит на часы. Три часа пролетело, оглянуться не успел, теперь пора домой с полной головой впечатлений. Он скажет Джойс, чтобы брала собаку, а потом поведает ей все о бесконтактных платежах. Она наверняка уже знает о них, но, может быть, не в курсе, какая технология за ними стоит, а он ее просветит. Время летит, когда вы проживаете его по-настоящему.

Он припарковал «Дайхатсу» Рона у фэйрхэвенской полиции – самое безопасное место для парковки. Возможно, однажды он заскочит повидать Криса с Донной. Разрешается ли навещать полицейских на работе? Он уверен, что они будут рады его видеть, но не хотел бы пустыми разговорами помешать, скажем, расследованию поджога. Новый Ибрагим готов рискнуть. Желаете кого-то повидать? Сходите и повидайте. Так поступил бы Рон. Правда, Рон не закрывает за собой дверь уборной, так что Ибрагиму стоит помнить: всему есть предел.

На углу у полицейского участка он обходит троих подростков в капюшонах и с велосипедами. И узнает запах марихуаны. В Куперсчейзе много курильщиков марихуаны. Считается, что это помогает от глаукомы, но, по статистике, людей с глаукомой не так уж много. В молодости кто-то из богатых друзей уговорил Ибрагима покурить опиум. Он оказался слишком трусливым для того, чтобы повторить опыт, но, может быть, это дело тоже стоит внести в список. Он задумывается, где мог бы купить опиум. Крис с Донной должны знать. Полезно иметь знакомых в полиции.

Эти трое – как раз из тех, кого Ибрагиму следует бояться, и он это понимает. Но они его вовсе не пугают. Молодежь вечно околачивается с велосипедами на углах улиц, так будет всегда. В Фэйрхэвене, в Лондоне, в Каире.

Ибрагим видит впереди «Дайхатсу». На обратном пути он завезет ее на мойку. В первую очередь чтобы отблагодарить Рона, но еще и потому, что ему нравится мойка машин. Он достает свой телефон. Это первое, чему он сегодня научился.

За парковку можно заплатить через мобильное приложение. Может, и неплохо, что теперь все смотрят в свои телефоны? Если у тебя в кармане – все знания и достижения человеческой истории, наверное, не грех потратить время на их изучение...

Велосипеда Ибрагим не слышит, зато чувствует, как он проносится мимо, видит руку, которая тянется к его мобильнику и дергает так, что Ибрагим валится с ног. Он падает на бок и катится до самого бордюра. Плечо, ребра в тот же миг пронзает боль. Рукав пиджака порван. Удастся ли зачинить? Он надеется, что да, – это его любимый пиджак, – но разрыв выглядит неприятно, белая подкладка торчит, словно обломок кости. Он слышит шаги – кто-то бежит – и мальчишеский смех; шаги приближаются. Ибрагим ощущает два пинка – один в спину, другой в затылок. Его голова снова бьется о бордюр.

– Райан, ходу!

Дело плохо. Ибрагим это понимает. С ним произошло что-то серьезное. Он хочет шевельнуться и не может. Сырость из водостока просачивается сквозь шерстяную ткань брюк, во рту появляется вкус крови.

Опять кто-то бежит, но Ибрагим не в состоянии защищаться. Лицо холодит бордюрный камень. Шаги смолкают, однако его больше не пинают. Он чувствует чьи-то руки на своих плечах.

– Дружище. Дружище! Господи! Кристин, вызывай скорую.

Да, приключения всегда заканчиваются скорой помощью, кем бы ты ни был. Насколько велик ущерб? Всего лишь переломы? Переломы в его возрасте – это достаточно плохо. А может, что похуже? Его ударили по затылку. Что бы ни случилось дальше, одно Ибрагим знает наверняка. Он допустил ошибку. Не следовало так рисковать. Больше не будет поездок в Файрхэвен и сидения с книжечкой в кресле. Где, кстати, его новые книжки? Мокнут на асфальте? Его кто-то трясет.

– Дружище, открой глаза, не спи!

«Но у меня же открыты глаза», – думает Ибрагим и тут же осознает, что это не так.

Глава 6

Потягивая второй бокал «Мальбека», Элизабет слушает рассказ своего бывшего мужа Дугласа Миддлмисса о международной организации по отмыванию денег. Из этого рассказа постепенно становится понятно, почему Дугласу в его возрасте понадобилась нянька.

– Мы давно к нему подбираемся, к этому Мартину Ломаксу. Прекрасный большой дом, куча денег, при этом все доходы задокументированы. Ребята из отдела экономической безопасности его и пальцем тронуть не могут. Но что известно, то известно, верно?

– Верно, – подтверждает Элизабет.

– В его дом кто только не приходит в любое время дня и ночи. Русские, сербы, турецкая мафия. Всех тянет в жилище отшельника на окраине сонной деревушки. Хэмблдон, знаешь такую? Там изобрели крикет.

– Прискорбно, – говорит Элизабет.

– «Рейндж-роверы», «Бентли» так и снуют по сельским дорогам. Арабы на вертолетах, словно они там на службе целый день. Однажды главарь ирландских республиканцев выпрыгнул с парашютом из одномоторного самолетика и приземлился прямо у него на лужайке.

– А чем он занимается? – спрашивает Элизабет. – Неофициально.

– Страхованием, – отвечает Поппи.

– Страхованием?

– Он типа банка для крупных криминальных группировок, – поясняет, подавшись к Элизабет, Дуглас. – Скажем, турки закупают в Афганистане героин на сто миллионов фунтов. Сразу всю сумму они не выплачивают.

– Так же, как за холодильник, – полный расчет после доставки, – добавляет Поппи.

– Спасибо, Поппи, – благодарит Элизабет. – Что бы я без вас делала?

– Ну вот, они вносят страховой депозит миллионов на десять надежному посреднику, – продолжает Дуглас. – Как залог доверия.

– А посредник – Мартин Ломакс?

– Да, они все ему доверяют. И ты доверилась бы, если бы познакомилась с ним. Удивительный парень: злодей злодеем, но надежный. Среди злодеев редко найдешь такого, на которого можно положиться. Сама знаешь.

Элизабет кивает.

– Так что, у него полный дом налички?

– Бывают наличные, бывает и более экзотический товар. Бесценные полотна, золото, бриллианты, – говорит Дуглас.

– Один узбекский наркоторговец заложил первое издание «Кентерберийских рассказов»[3 - «Кентерберийские рассказы» – незавершенное, преимущественно стихотворное произведение средневекового английского поэта Джеффри Чосера. Прим. ред.], – вставляет Поппи.

– Любое ценное имущество, – кивает Дуглас. – Он хранит его в комнате-сейфе в собственном доме. Если сделка проходит благополучно, Ломакс возвращает заклад, и его нередко используют повторно. А если срывается, заклад уходит на компенсацию.

– Полагаю, это хранилище достойно внимания, – говорит Элизабет.

– Уверен, что в любой момент там найдется полмиллиарда наличными, столько же в золоте и драгоценностях, в похищенных полотнах Рембрандта и в китайском нефрите стоимостью в миллионы. И все это – в нескольких милях

от Винчестера, представь себе.

– Откуда вам все это известно?

– Мы несколько раз побывали в этом доме, – объясняет Поппи. – Установили в стенах микрофоны, в светильниках – камеры.

– Ну ты знаешь все эти трюки, – добавляет Дуглас.

– И в хранилище?

– В эту комнату попасть ни разу не удалось, – качает головой Поппи.

– Но там и по дому много чего раскидано, – говорит Дуглас. – Когда я туда вломился, на бильярдном столе лежала картина Ван Эйка.

– Ты вломился?

– Не без помощи, разумеется. Помогали Поппи и паренек из Особой лодочной службы[4 - Особая лодочная служба (англ. Special Boat Service) – подразделение морского спецназа, входящего в состав Королевского военно-морского флота Великобритании. Прим. ред.].

– Вы тоже взломщица, Поппи? – обращается Элизабет к сидящей на подоконнике и болтающей ногами девушке.

– Я просто оделась в черное и делала что велят, – отмахивается Поппи, устраиваясь поудобнее.

– Что ж, в этом – вся суть секретной службы, – кивает Элизабет. – Итак, вы двое и некий участливый друг вломились в дом, до отказа набитый сокровищами?

– Точно, – говорит Дуглас. – Просто чтобы осмотреться немножко, понимаешь? Прикинуть, что к чему, снять пару кадров и смыться, пока никто не узнал. Мы с тобой сто раз такое проделывали.

– Понимаю. Но при чем здесь квартира со старыми креслами и запертой спальней, а главное – предложение бывшей, к великому счастью, жене поработать твоей нянькой?

– Вот с этого момента, честно говоря, у меня и начинаются маленькие проблемы. Ты готова?

– Валяй, Дуглас, – говорит Элизабет, в упор разглядывая его. Огонь в глазах совсем не померк. Тот огонь, который наводил ее на совершенно безосновательные мысли о мудрости и обаянии. Тот огонь, который заставил ее отправиться к алтарю с мужчиной на десять лет моложе и пожалеть об этом уже через несколько месяцев. Тот огонь, который довольно быстро превращается в свет маяка, предупреждающий о близости рифов.

– Могу я сперва уточнить? – спрашивает с подоконника Поппи. – Пока мы все не рассказали.

– Конечно, дорогая, – разрешает Элизабет.

– Как много здесь о вас знают? Полагаю, немало, судя по досье?

– Кое-что знают, да, – признает Элизабет. – Ближайшие друзья.

– А эти ближайшие друзья – Джойс Мидоукрофт, Рон Ричи и Ибрагим Ариф?

– Они. Прекрасное досье, Поппи. Джойс придет в восторг, услышав, что в него попала.

– А могу ли я поинтересоваться... меня просили сделать это, пока мы не двинулись дальше. За последние четыре месяца вы хотя бы однажды нарушали закон о государственной тайне?

– О боже мой, конечно, – смеется Элизабет. – Сколько раз!

– О'кей, так и отмечу. Очень важно, чтобы никто из ваших друзей не узнал о нас с Дугласом. Хотя бы это вы можете гарантировать?

- Ни в коем случае. Я расскажу им, едва выйду за дверь.
- Боюсь, что не могу этого допустить.
- Не думаю, что у вас есть выбор, Поппи.
- Вы, мэм, лучше многих понимаете, что я выполняю приказ.
- Поппи, во-первых, зовите меня Элизабет. Во-вторых, насколько я успела заметить за последние недели, вы и заказы не очень-то четко выполняете, так стоит ли что-то менять? Давайте дослушаем вашу историю, и я скажу, возьмусь ли за эту работу. А потом поделюсь с друзьями, но вас это не должно беспокоить.

Дуглас хихикает:

- Твоим друзьям о тебе известно все?
- Все, что им следует знать.
- И о твоём командорском звании[5 - Звание Дамы-Командора дается Орденом Британской империи за особые заслуги перед отечеством. Эквивалентно званию Рыцаря-Командора, которое получают мужчины. Прим. ред.]?
- Разумеется, нет.
- Стало быть, не все?
- Не все.
- А когда ты в последний раз пользовалась своим титулом, Элизабет?
- Когда мне понадобилось срочно взять напрокат мотоцикл, чтобы уехать из Косово. А ты своим когда, сэр Дуглас?
- Когда пытался добыть билеты на «Гамильтона».

У Элизабет звонит телефон. Редкий случай. Она смотрит на экран. Это Джойс. Совсем редкий случай.

– Извините, я должна ответить.

Глава 7

В каком-то смысле наглость Конни Джонсон заслуживает восхищения. В ней даже есть определенный стиль. Но они потратили на засаду массу времени, и теперь, чтобы прижать Конни к стенке, им нужно придумать что-то поумнее. Но что именно – Крис Хадсон пока не может сообразить. И чтобы усугубить страдания, он решает позаниматься на велотренажере.

Из всех тренажеров в зале велосипед ему подходит больше всего. Ведь на нем занимаются сидя, и во время тренировки удастся смотреть в телефон. Темп выбираешь сам – Крис предпочитает умеренный, – но можно и ускориться, чтобы выглядеть более впечатляюще, когда мимо проходит мускулистый мужчина в трико или мускулистая женщина в лайкре. В этот зал ходят многие его коллеги из фэйрхэвенской полиции. Иногда Крис с ними сталкивается, и, как он обнаружил, чины здесь ничего не значат. На днях один констебль хлопнул его по спине и сказал: «Продолжай, приятель, ты своего добьешься!» Приятель? В следующий раз, когда понадобится просмотреть записи с камеры наблюдения на стоянке за трое суток, этот молодой констебль узнает, кто кому приятель.

Крис видит инспектора из своего следственного отдела, Терри Халлета, с голым торсом выжимающего штангу. Боже правый!

Крис, в мешковатой футболке и таких же шортах, продолжает крутить педали. Шорты! Вот до чего дошло! Конечно, все эти тренажеры – ради Патрис. Потому что впервые за почти два года женщина регулярно видит его обнаженным. Надо признать, он старается обходиться без света, но все-таки. Пока что Крис счастлив, и Патрис выглядит счастливой, но разве она признается, если это не так? Крис полагает, что в этом случае она перестанет с ним спать, но все же нет ничего плохого в том, чтобы питаться правильно, сбросить несколько килограммов и попробовать найти мышцы под своей рыхлой оболочкой.

Отношения Криса и Патрис еще в самом начале – на стадии страсти и картинных галерей. Возможно, через полгода они перерастут в любовь, и тогда он спокойно наберет вес обратно. Но пока что есть, то есть.

Велотренажер – произведение технологического искусства, полное циферблатов и кнопок: регулировка нагрузки, имитация подъема, датчик частоты сердечных сокращений, учет пройденной дистанции, затраченного времени и сожженных калорий. Крис почти все это отключил. Частота сердечных сокращений его пугает. Монитор показывает цифры, которых просто не может быть. А хуже всего – счетчик калорий. Шесть миль крутить педали, чтобы сжечь сто калорий! Шесть миль за половинку «Твикса»? Даже думать об этом невыносимо.

Вместо циферблатов он смотрит передачу об антиквариате по телевизору, висящему на стене, и примерно каждые сорок пять секунд бросает взгляд на закрепленные рядом часы, мысленно молясь, чтобы час скорее закончился.

Старичок на телеэкране пытается скрыть разочарование, услышав, что его кораблик в бутылке стоит всего шестьдесят фунтов, и в этот момент у Криса звонит телефон. Обычно во время тренировки он старается не отвечать на звонки, но этот – от Донны. Что-то насчет Конни Джонсон? Скрестим пальцы.

Крис сбавляет и без того медленный темп и отвечает на вызов.

– Донна, я на велосипеде. Как Лэнс Армстронг, только без...

– Сэр, вы сможете подъехать в больницу?

Как официально! Донна говорит ему «вы» и называет его «сэром»? Это серьезно.

– Конечно, что случилось?

– Ограбление. Жестокое.

– Понял. А почему я?

– Крис, – говорит Донна, – пострадал Ибрагим.

Крис уже мчится к двери, забыв нажать «отбой».

Глава 8

Джойс держит Ибрагима за левую руку. Она слегка пожимает ее, пока он говорит. Элизабет держит другую руку. Рон приткнулся у дальней стены, на максимальном расстоянии от лежащего в постели друга. Но на глазах у Рона блещут слезы, а такого Джойс еще не видела, так что пусть себе стоит где хочет.

В носу у Ибрагима – трубки, вокруг туловища – толстая повязка, на шее – жесткий воротник, в локтевой вене – капельница. Он разом будто выцвел. Выглядит сломленным, испуганным. И, как Джойс вдруг понимает, старым.

Но он в сознании: сидит, подпертый подушкой, и разговаривает. Медленно, тихо, явно преодолевая боль, но разговаривает.

Джойс склоняется к Ибрагиму, чтобы услышать его.

– Знаете, парковку можно оплачивать через телефон. Очень удобно.

– До чего дошел прогресс! – говорит Джойс и снова пожимает ему руку.

– Ибрагим? – вмешивается Элизабет. Такого мягкого голоса у нее Джойс еще не слышала. – Прости, но не надо сейчас рассказывать нам о парковке. Мы хотим узнать, кто это совершил.

Ибрагим кивает, насколько позволяет ему воротник, и делает неглубокий вдох, преодолевая боль. Он высвобождает ладонь из рук Элизабет и пытается поднять палец, но сдается, не справившись.

– Ладно, но это приложение действительно хитроумное. Надо просто...

Вдруг распахивается дверь, и в палату врываются Донна с Крисом. Они сразу устремляются к кровати.

– Ибрагим! – вскрикивает Донна.

Джойс уступает ей его руку. Они все держат ее по очереди. Крис заходит с другой стороны и стучит пальцем по изголовью кровати. Смотрит на Ибрагима и пытается улыбнуться.

– Ну вы нас и напугали.

Ибрагим кое-как умудряется поднять большой палец.

– Мы должны знать, кто это сделал, понимаете? – говорит Донна.

– Вы, бесспорно, должны поймать того, кто это сделал, – поправляет Элизабет.

– Да, извините, Элизабет, – отвечает Крис. – Мы не успели раскрыть это дело за те девять секунд, что здесь провели.

– Не ссорьтесь, – вмешивается Джойс. – В больнице нельзя.

– Вы можете говорить, Ибрагим? – спрашивает Донна. Он кивает. – Кто бы это ни сделал, мы их найдем, поместим в комнату без камер наблюдения и заставим об этом пожалеть.

– Умница, девочка, – кивает Элизабет. – Настоящий офицер полиции.

– В ста ярдах от вашего участка! – Рон тычет в Криса пальцем. – Вот до чего дошло! А вы тем временем хватаете людей за неправильную сортировку мусора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Сноски

1

«Таггерт» (англ. Taggart) – шотландский детективный телесериал, который транслировался в Британии с 1983 по 2010 год. Прим. ред.

2

Мюррей Уокер – английский журналист, один из наиболее известных комментаторов гонок «Формулы-1». Прим. ред.

3

«Кентерберийские рассказы» – незавершенное, преимущественно стихотворное произведение средневекового английского поэта Джеффри Чосера. Прим. ред.

4

Особая лодочная служба (англ. Special Boat Service) – подразделение морского спецназа, входящего в состав Королевского военно-морского флота Великобритании. Прим. ред.

Звание Дамы-Командора дается Орденом Британской империи за особые заслуги перед отечеством. Эквивалентно званию Рыцаря-Командора, которое получают мужчины. Прим. ред.

Купить: https://tellnovel.com/osman_richard/chelovek-kotoryy-umer-dvazhdy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)